

Творцы и мыслители

В.И. Алексеева

«Этика благоговения перед жизнью»

*О гражданине мира
Альберте Швейцере*

...Я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить...

Насколько выиграли бы нынешние условия жизни людей, если бы все мы ежедневно хотя бы по нескольким минут своего вечернего времени посвящали размышлениям об окружающей нас вселенной, мысленно обращаясь к бесконечным звездным мирам...

...Возрождение нашей эпохи должно начаться с возрождения мировоззрения.

А. Швейцер. Культура и этика

Альберта Швейцера (1875–1965) не относят к числу философов-космистов, однако в мировоззрении и деятельности этого гуманиста XX века ясно просматриваются мотивы, присущие космическому мышлению. Теолог, философ, музыкант, известный врач, Швейцер привлекал к себе внимание мировой общественности. Он получил звание почетного доктора наук многих университетов мира, стал лауреатом премии Гете, был избран действительным членом Академии этических и политических наук Франции. В год семидесятилетия стал лауреатом Нобелевской премии мира. В числе его друзей и собеседников были Стефан Цвейг, Ромен Роллан, Альберт Эйнштейн.

Альберт Швейцер с женой Еленой Бреслау. 1913

Жизнь этого человека разделена на два периода: европейский и африканский. Эльзасец по происхождению, он был выходцем из семьи бедного католического проповедника. С юности тяга к знаниям была так велика, что по окончании гимназии он поступил в Страсбургский университет сразу на два факультета, теологический и философский. Учиться было непросто, с трудом сдал экзамен по древнееврейскому языку. Велико было и увлечение музыкой, к которой он оказался чрезвычайно чувствительным – едва не упал в обморок, услышав впервые хор и органную музыку. Чтобы брать уроки игры на органе, стал ездить к знаменитому в те годы преподавателю в Париж, несмотря на стесненные материальные обстоятельства. Привлекала знаменитая парижская опера, особенно нравились произведения Вагнера.

Получив высшее образование, он поселился в Париже, затем в Берлине. Ему пришлось по сердцу старинные берлинские библиотеки, где он принялся изучать философов древности. На философском факультете Страсбургского университета защитил диссертацию «Философия религии

Канта», на теологическом факультете написал докторскую работу «Проблема Тайной вечери в свете научных исследований XIX века и исторических источников». Одновременно служил в церкви Святого Николая помощником пастора, обучал школьников Закону Божьему в церковной школе, продолжал совершенствоваться в игре на органе. С 1903 по 1906 год издал книги «И.С. Бах, музыкант и поэт», «Немецкое и французское искусство органостроения и органное искусство», «От Реймаруса до Вреде».

Последнее название ничего не говорит нашему воображению, между тем это было титаническое по своему объему и масштабу исследование источников и трудов о жизни Иисуса Христа – полный хронологический обзор всех описаний жизни Спасителя, известных истории. Книга вызвала горячие споры среди теологов, не утихавшие много лет. (В скобках отметим, что теологическую проблематику автор продолжит много позже: прочитанные в 1922 году в миссионерском колледже Бирмингема лекции были изда-

ны в виде книги «Христианство и мировые религии»; в 1930-м была опубликована книга «Мистика апостола Павла».) Тогда же, в начале века, известность Швейцера росла, карьера философа, историка и писателя складывалась успешно. Он был назначен директором Фонда Святого Фомы с хорошим ежегодным окладом.

Далее последовал жизненный поворот, привлекавший впоследствии внимание мировой общественности. В одной из брошюр, постоянно рассылаемых Парижским миссионерским обществом, ученый прочитал статью о нехватке миссионеров и врачей во Французской Экваториальной Африке, в Конго. Приват-доцент и преподаватель Страсбургского университета Швейцер становится студентом медицинского факультета. Подобно Сократу, немецкий теолог и музыкант XX века внимательно прислушивался к своему внутреннему голосу. Еще в юности он знал, что до тридцатилетнего возраста будет заниматься науками и искусством, а затем посвятит себя служению человеку. Попавшаяся на глаза заметка стала всего лишь толчком, напоминанием о том интуитивном устремлении, ко-

торое он ощутил когда-то. Внутренний голос сказал: «Пора».

Приобретая в зрелые годы профессию врача специально для того, чтобы принести максимальную пользу коренному населению Африки, он покинул Европу. Не ограничившись получением диплома, стал писать диссертацию по медицине «Психиатрическая оценка личности Иисуса». Защитил ее и стал обладателем трех ученых степеней – доктора философии, доктора медицины и лицензиата богословия. Вот теперь он считал себя подготовленным для того, чтобы стать простым врачом в Экваториальной Африке. Как раз в это время, в 1912 году, 37-летний Швейцер встретил Елену Бреслау – женщину, которая согласилась разделить его судьбу. Их брак продлился 45 лет, до самой ее смерти.

В 1913-м они уехали в местечко Ламбарене, чтобы взять на себя медицинское обеспечение огромного района реки Огове. С самого начала пришлось действовать в качестве частных лиц – отстраивать больницу, которая первоначально размещалась в курятнике, везти с собой медикаменты и оборудование, искать помощников из местного населения. В это дело Швейцер вложил личные средства, пожертвования, кредиты. В те

времена считалось, что европеец по состоянию здоровья не может пребывать в районе экватора более двух лет безвыездно. Швейцер прожил там десятки лет, правда, с большими перерывами, иногда покидая Африку по собственной воле, а иногда и по воле властей. Ему пришлось пережить интернирование во Францию во время Первой мировой войны. В Европу и в США он выезжал с лекциями и концертами.

Подробности этой жизни, нравы и обычаи местного населения, особенности природы Швейцера описал в книге «Письма из Ламбарене». Она читается как приключенческий роман, вот только приключения не выдуманы, а преподносились автору и его соратникам в качестве ежедневных сюрпризов жизни и быта чернокожего и белого населения в девственном лесу.

И все-таки почему сделавший успешную карьеру европеец начал жизнь с чистого листа в африканских джунглях? Его не понимали многие – журналисты, литераторы, размышляя над столь неординарным поступком, писали об индивидуализме, о самоотречении, упрекали его в том, что как человек, желавший принести максимальную пользу, он не пополнил ряды революционеров или борцов с фашизмом. Действи-

Больница, созданная А. Швейцером в Ламбарене, сегодня носит его имя

«Швейцар Хоспитал». Ламабарене, Габон

тельно, Швейцар не только не спешил встать в ряды борцов, но никогда не порицал общественных пороков, во всяком случае, таких, на которые ополчались революционеры, – неравенство, бедность, социальное угнетение. Пытался, еще живя в Европе, заняться попечительством о беспризорных, устройством жизни бродяг и бывших заключенных, но не порицал общество, в котором были эти беспризорные, бродяги и неустроенные бывшие заключенные. Держался в стороне от общественных организаций и гуманистически ориентированных движений и изменил этому правилу только в конце жизни, включившись в активную борьбу за запрещение испытаний атомного оружия. Он не стремился переделывать мир.

Кто заставлял этого человека чрезмерно трудиться всю жизнь, все 90 лет? По натуре он обладал фантастической трудоспособностью. Еще в студенчестве занимался ночами, и чтобы случайно не заснуть, держал ноги в тазу с холодной водой. Изучая медицину, одновременно преподавал в университете, выступал с проповедями, концертировал и спал по три-четыре часа в сутки, как в молодые годы. В Африке начинал рабочий день в шесть часов утра, заканчивал к полуночи, и часто бывало так, что выполнял одновременно обя-

занности директора больницы, врача, прораба, строителя, санитара. Огромные душевные силы, которые были ему даны, искали выхода в непосильном для большинства количестве работы.

Среди местного населения он получил звание «великого доктора». Постепенно его примеру последовали другие молодые европейцы, дело расширялось. К концу жизни Швейцара были построены новые помещения на 600 человек, больница имела подсобное хозяйство, могла прокормить и больных, и персонал, и даже одеть тяжелобольных, прибывающих на лечение, и их родственников. При этом местная администрация не забывала брать с больницы налоги, пошлину за ввозимые медикаменты, особенно за медицинский спирт, а заодно показывала туристам престарелого доктора – всемирную знаменитость.

Побудительные мотивы к широкомасштабным общественным действиям зачастую возникали из личного опыта Швейцара, из практических случаев врачебной практики. 6 августа 1945 года он принимал сложные роды у африканки; у женщины было больное сердце, и врачам пришлось провести бессонную ночь, борясь за ее жизнь и жизнь ребенка. К утру врачи победили, спасли и мать и младенца. В этот же день узнали об атомной атаке Хиросимы, которая

унесла десятки тысяч человеческих жизней. На какое-то время врачи почувствовали отчаяние, бессмысленность своей работы. Они приложили все силы, чтобы спасти от смерти ребенка, который никогда даже не научится читать. Но помочь трагедии, которая разыгралась на другом конце земного шара, никто из них был не в силах. С этого момента Альберт Швейцер начал активную борьбу с атомным оружием, считая его производством, испытание и применение преступлением против человечества. Он не просто указывал на необходимость перейти к мирному решению всех международных конфликтов путем переговоров. С подобным решением он непосредственно связывал само качество социальной жизни. Был убежден, что продолжение гонки атомного вооружения, то есть сохранения мира на грани войны, полностью исключит возможность процветания человечества.

Швейцер получает все больше приглашений от европейских университетов, где выступает с лекциями по истории раннего христианства, истории религии, философии культуры. С ростом славы его больницы он начал рассказывать и об этом опыте. Он убеждал студентов в том, что этика всех мировых религий – иудаизма, христианства, ислама, индуизма, буддизма, китайской религиозной мысли – содержит жизнеутверждающие начала. Написал книгу «Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика», стремясь заинтересовать читателей глубиной восточного мышления и образами крупнейших индийских философов.

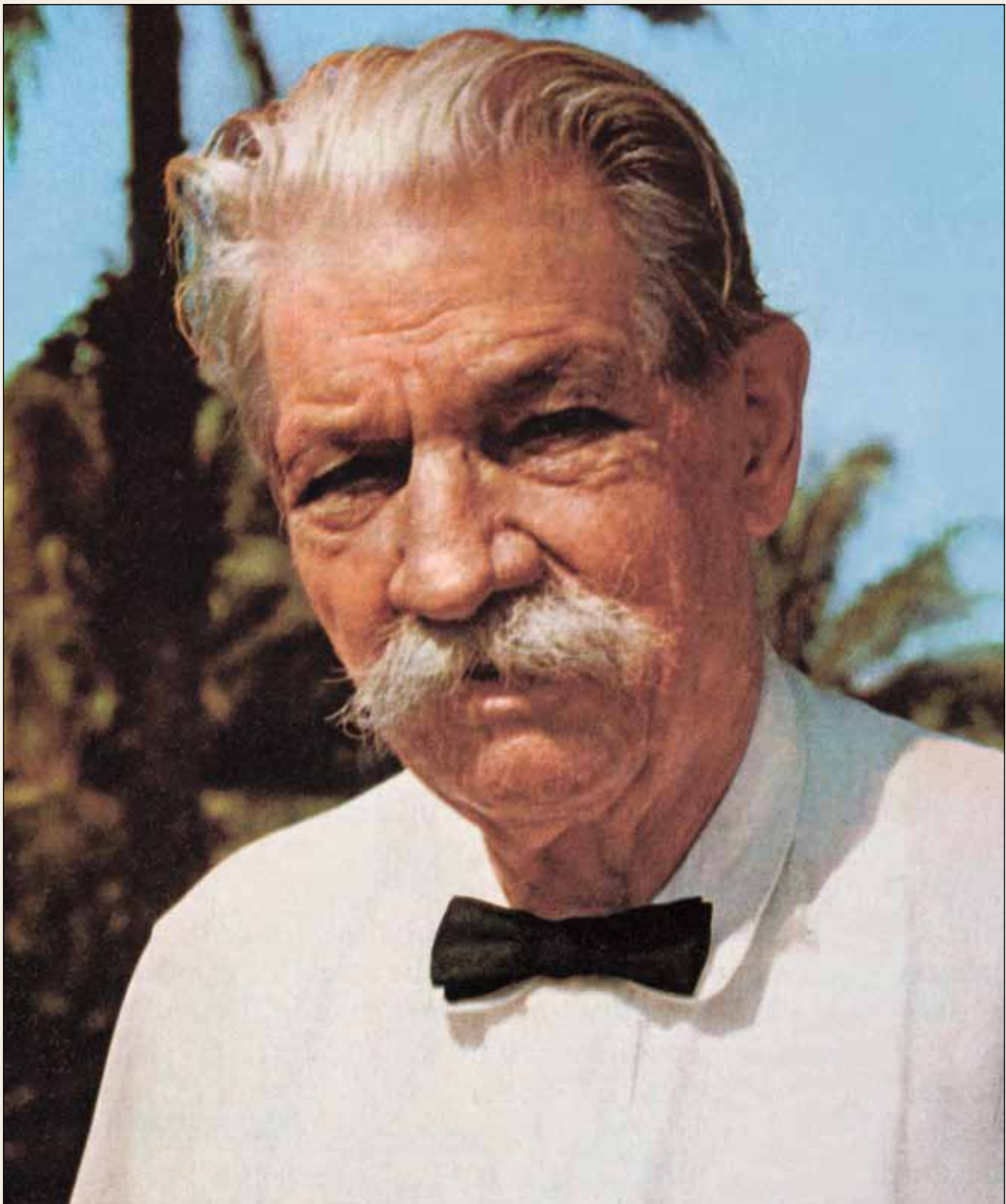
Его привлекает духовная наполненность религиозно-философских доктрин прошлого, выраженная в них самодостаточность духа. Он приходит к выводу, что духовное удовле-

Альберт Швейцер осматривает больного ребенка

ние жизнью, работой является высшей наградой за труды. «Духовное блаженство приносит удовлетворение само по себе. Либо человек приходит к решению поступать этически, потому что ожидает от этического поведения преобразования внешних условий своего бытия, сулящего пользу и удовольствие. Либо он избирает этот путь, так как находит счастье в под-

Альберт Швейцер. 1950-е гг.

чинении внутреннему побуждению к этическому действию. В последнем случае он абсолютно не принимает в расчет связь между своей нравственностью и своим материальным счастьем. Быть нравственным – для него само по себе счастье, пусть даже это сулит перспективу оказаться

в самом невыгодном с материальной точки зрения положении»¹.

Дух человека порождает этическое убеждение. Этическое убеждение трансформирует социальные институты. Эта зависимость внешних форм функционирования общества от духовного со-

---

¹ Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. С. 162.

стояния людей рассмотрена Швейцером на различных примерах, но прежде всего на примере изживания войны как практики разрешения международных конфликтов, о чем он говорил в своей Нобелевской речи. Необходимо пробудить дух человека, который подскажет ему, что мир между народами – это норма, насущная необходимость, а любая степень вражды – аномалия. Только при этом условии заработают общественные институты, созданные для урегулирования международных конфликтов, и начнут разрушаться материальные структуры ведения войны, как наступательные, так и оборонительные. Следовательно, подходить к проблеме войны и мира нужно не с точки зрения политики, права, экономики, промышленности и наличия материальных ресурсов. И даже не с точки зрения необходимости обороны или нападения. Следуя логике Швейцера, можно утверждать, что все эти ситуации – следствие непробужденного человеческого духа, иллюзий внешней необходимости, которые разыгрываются как реальные ситуации в реальном мире, однако могут развеяться как фантомы при определенных условиях. Эти условия и называет Швейцер, и в первую очередь – пробуждение духа, формирующего нравственное мировоззрение, которое, в свой черед, трансформирует неблагоприятные внешние ситуации.

Он и сам подчеркивал трудность перехода к подобной позиции, трудность понимания того, что трансформация мира начинается с трансформации самого себя. «...Мораль благоговения перед жизнью помогает людям, ведущим самую тяжелую борьбу за свою человечность, постоянно укрепляя их веру в идею человечности как ценности, которую необходимо сохранять любой ценой. Она предостерегает их от односторонней борьбы за уменьшение материальной зависимости и заставляет задуматься над тем, чтобы вкладывать в свою жизнь больше человечности и внутренней свободы. Этика благоговения перед жизнью призывает людей охранять свою сосредоточенность и внутреннюю жизнь. <...> Даже те, кто ведет тяжелейшую борьбу за свою человечность, приходят к самосознанию и внутренней сосредоточенности, приобретая таким образом силы, которыми они раньше не обладали»².

Однако вернемся к истокам формирования этики благоговения перед жизнью. Это удивление перед лицом мира и неудовлетворенность этим миром, прежде всего миром людей, миром несовершенных человеческих отношений, в котором Швейцер видел упадок культуры. Культуру

же он понимал в самом широком смысле, как правильное отношение человека к человеку и человека к природе, как ответственность каждого за гармонию всей тотальности бытия.

«Два фактора повлияли на мою жизнь. Первый – осознание неспасимости и таинственности мира, исполненного страданий. Второй – то, что я родился в эпоху духовного упадка человечества. Я преодолел то и другое благодаря мышлению, которое привело меня к этическому и жизнеутверждающему идеалу благоговения перед жизнью. Моя жизнь обрела опору и цель. И так я живу и тружусь в этом мире, как человек, задумавший через духовность сделать людей возвышеннее и лучше» – так Швейцер вспоминал об истоках своего мировоззрения, по свидетельству его друга, немецкого врача Пауля Фрайера³.

В 1920-е годы Швейцер сделал достойным общественности свое нравственное кредо, издав книгу «Культура и этика». Одна из последних ее глав называется «Благоговение перед жизнью». В этой главе он размышляет о соотношении рационального научного знания и эмоционального восприятия человеком мира, о том, что же побуждает искать нравственный идеал и жить согласно ему. Рациональное и эмоциональное должно быть слито, как должно быть снято всякое внутреннее различие между учеными и неучеными. Интуитивное высшее знание едино, оно присуще всем и только проявляется в двух основных формах, в рациональном и в эмоциональном.

«...Различие между ученым и неученым весьма относительно. Неученый, преисполненный при виде цветущего дерева тайной вездесущей воли к жизни, обладает большим знанием, чем ученый, который исследует с помощью микроскопа или физическим и химическим путем тысячи форм проявления воли к жизни, но при всем его знании процесса проявления воли к жизни не испытывает никакого волнения перед тайной вездесущей воли к жизни, напротив, полон тщеславия от того, что точно описал кусочек жизни. Всякое истинное познание переходит в переживание. Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной волей к жизни, проявляющейся во всем. Оно за-

² Швейцер А. Культура и этика. С. 332–333.

³ Фрайер П.Г. Альберт Швейцер: Картина жизни. М.: Наука, 1982. С. 148–149.

ставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью. Здесь оно отпускает мою руку. Дальше оно может уже меня не сопровождать. Отныне моя воля к жизни сама должна найти свою дорогу в мире...

<...> «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить». Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. В каждое мгновение сознания оно появляется предо мной. Как из непересыхающего родника, из него постоянно бьет живое, охватывающее все факты бытия миро- и жизневоззрение. Из него вырастает мистика этического единения с бытием...

Этика заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип нравственного. Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей»⁴.

Он справедливо отмечал, что современное ему европейское мышление признавало только этику отношения человека к человеку и обществу. Редкие философы, пытавшиеся обратить внимание на необходимость гуманного отношения к животным, оставались не услышанными. Он считал это качество отсталостью, так как индийская и китайская философия еще на заре своего развития рассматривала этику как учение о доброжелательном отношении ко всем существам. Тонкие и глубокие заповеди относительно обращения с животными, изложенные в популярной китайской этике «Кан-ин-пен» («О наградах и наказаниях»), восхищали католика Швейцера. В чем же для Швейцера состоит основной принцип нравственного?

Добро – это то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. Этика есть безграничная ответственность за все, что живет. Воля человека к жизни, о которой он много говорил, не являлась для Швейцера абсолютным индивидуальным началом, не была продолжением философии Ницше. В его понимании в воле воплотилось стремление слиться воедино с другими, стремление осуществить слияние единой воли всего живого в полной гармонии, но отнюдь не конфликтность и не борьба за существование. Швейцер проповедовал ответственность человека за мир Божий вокруг него. Это было абсолютное уважение к человеку независимо от цвета кожи, национальной и классовой принадлежности, от всех условностей, которые

раздирают мир. «Как мне вести себя с негром? Должен ли я относиться к нему как к равному или как стоящему ниже меня? Я должен показать негру, что в каждом человеке уважаю его человеческое достоинство. Я должен дать ему почувствовать эту мою убежденность. Но главное, чтобы между ним и мной было духовное братство»⁵.

Статью «Религия в современной культуре» он начал с вопроса: является ли религия действенной силой в духовной жизни нашего века? И однозначно ответил – нет. Не подвергая критике ни огромное количество набожных людей, ни положительную деятельность церкви, он рассматривал факты. А главный факт состоял в том, что христианская церковь не справилась с взятыми на себя обязанностями, доказательствами чего стали две мировые войны XX века. Прагматизм стал править человеческой мыслью и человеческими поступками, дух прагматизма оказался сильнее нравственных идеалов христианства, и это тоже было фактом. И Швейцер выдвинул свои принципы организации человеческого общежития в общепланетарных масштабах. Ход мыслей немецкого гуманиста поразительно схож с логикой русского космиста Николая Федорова.

Это целый блок идей – вопрос о соотношении материального и идеального в человеческом обществе; об угнетающем действии негативных последствий узкой специализации и технического прогресса на человека, переутомленного тяжелым нетворческим трудом и отчужденного от мировой культуры; об отрыве от природных корней и реструктуризации населения, стянутого в крупные промышленные центры, где человек утрачивает нечто важное. Суть не в прогрессе как таковом. Суть в том, что молох прогресса правит огромными массами людей, превращая их в винтики социальной машины. Несвобода бытия прямо пропорциональна усложненности формальных социальных отношений, росту спектра нетворческих профессий (так называемых рабочих мест), а также фабрике конфессиональных, культурных и философских мнений, в готовом виде предлагающих себя человеку от имени общества.

«Если бы обстоятельства складывались так, что умеренное и прочное благосостояние становилось доступным все более широким массам населения Земли, то культура получила бы от этого гораздо больше преимуществ, чем от всех материальных достижений, столь превозносимых от ее имени. Материальные достижения, конечно, делают человечество, как таковое, более не зависимым от природы, чем раньше. Вместе с тем, од-

⁴ Швейцер А. Культура и этика. С. 305–307.

⁵ Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л.: Наука, 1978. С. 83.

Артур Вильям Хайнцельман. Портрет Альберта Швейцера

нако, они уменьшают количество независимых существ внутри самого человечества»⁶.

Вслед за Н.Ф. Федоровым Швейцер утверждал: «С точки зрения несвободного существования и разобщенности наиболее неблагоприятно сло-

жились условия жизни населения больших городов. Соответственно оно более подвержено угрозе духовной деградации»⁷.

«Становится господствующей такая организация труда, при которой только специализация

⁶ Швейцер А. Культура и этика. С. 41.

⁷ Там же. С. 43.

обеспечивает взаимодействие высших производственных показателей. Достигнутые результаты великолепны. Но вера труженика в духовную значимость его труда подрывается. <...>

Так из-за специфических особенностей нашего труда мы утратили присущее нам духовное начало и нашу индивидуальность в той мере, в какой возросли материальные достижения общества»⁸.

«Поглощение современного человека обществом, поистине единственное в своем роде, – это, пожалуй, наиболее характерная черта его сущности. <...> Поскольку <...> общество благодаря достигнутой организации стало невидан-

ной ранее силой в духовной жизни, несамостоятельность современного человека по отношению к обществу принимает такой характер, что он уже почти перестает жить собственной духовной жизнью. <...>

Всеобщим актом воли свобода мышления изъята из употребления, потому что миллионы индивидов отказываются от права на мышление и во всем руководствуются только принадлежностью к корпорации.

Духовную свободу мы обретем лишь тогда, когда эти миллионы людей вновь станут духовно самостоятельными и найдут достойную и естественную форму своего отношения к организациям, интеллектуально поработившим их»⁹.

Эта книга написана более семидесяти лет тому назад, однако общественные проблемы и негативные тенденции, обозначенные в ней, процветают и сегодня. Создание новых рабочих мест считается абсолютным благом. Внутренняя миграция переполняет столицы. Бюрократическая машина, организующая все в формальной части нашей жизни, постоянно наращивается. Никто, кроме небольшого количества ученых, государственных деятелей и деятелей культуры, не задумывается и не говорит о прессинге той формы общественного бытия на человека, которую теперь уже неизвестно кто создавал. Никто не ставит целью ее сломить, поскольку никто не знает ей альтернативы. Нет не только национальной идеи по переходу к новой форме общественного бытия – раскованного, свободного, планируемого и импровизационного одновременно. Нет самой идеи этого нового, нет нового общественного идеала. И когда массы недовольных людей высказывают свои пожелания (сделать пенсии побольше, а плату за услуги жилищно-коммунального хозяйства поменьше), они все равно принимают общественную систему такой, какова она есть в целом. Речь не о политическом устройстве, не об административной деятельности государства, не о правовых нормах, а о чем-то более

Альберт Швейцер с маленьким пациентом

⁸ Швейцер А. Культура и этика. С. 43–44.

⁹ Там же. С. 48–49.

глубоком, о том социальном сущем, которое трудно обозначить в принятых официальных терминах... Это социальное сущее, его негативные стороны явственно видели Николай Федоров и Альберт Швейцер.

Каков же выход? Подобно космистам, Швейцер решал проблему чисто философским образом. Он видел этот выход в развитии нового мировоззрения, в диалектике преодоления мыслительных стандартов, оккупировавших сознание человека. То, что нам представляется положительным, не может быть положительным абсолютно, иначе оно никогда не будет преодолено. Расширение сознания возможно, согласно его логике, на пути преодоления конечного и развития бесконечного, на пути стремления к бесконечному – именно в социальной плоскости.

Вернемся к мысли философа, вынесенной в начало статьи в качестве эпиграфа. «Насколько выиграли бы нынешние условия жизни людей, если бы все мы ежедневно хотя бы по несколько минут своего вечернего времени посвящали размышлениям об окружающей нас вселенной, мысленно обращаясь к бесконечным звездным мирам, а на похоронах предавались бы раздумьям о загадке жизни и смерти, вместо того чтобы бездумно шествовать за гробом, обмениваясь малозначительными репликами с другими участниками процессии. <...> Люди хоть в какой-то мере стали бы задумываться над бесконечным и конечным, бытием и небытием и отыскиали бы в результате такого самоуглубления критерии суждения об истинном и ложном, действительно ценном и призрачном. Равнины древних времен учили, что Царство Божье наступит, если только весь Израиль начнет по-настоящему соблюдать субботу. Насколько вернее было бы сказать, что море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество, лишится своей разрушительной силы, если только нам удастся противопоставить ему хоть какое-то подобие раздумий о смысле мира и жизни!»¹⁰

Новое мировоззрение – вот тот момент, с которого необходимо начинать. Как упоминалось ранее, Швейцер не был склонен не только участвовать в политических переворотах и активной общественной борьбе, но даже и упоминать о подобных формах борьбы. Вся его критика обру-

Почтовая марка Габона, посвященная 70-летию основания больницы в Ламбарене. 1983

шивалась на мыслительную область, на исторические формы философии, которые не смогли дать людям единения и счастья. Он был глубоко убежден в том, что жизнь нехороша потому, что плохо мировоззрение. Внутреннее формирует внешнее, идеальное производит материальное. Внешние мероприятия не исправят дела, потому что все внешнее зависит от способа мышления человека. Говорят, чтобы рабочему стать директором завода, надо иначе мыслить. Насколько же кардинально надо изменить наше мышление, чтобы трансформировать все негативные стороны социального бытия?

«Путь к новым убеждениям людям укажет только истинное и полноценное мировоззрение. Единственным полноценным мировоззрением является оптимистически-этическое мировоззрение. Его возрождение зависит от нас»¹¹.

Подобно космистам, Швейцер мыслил в общепланетарных масштабах, имея в виду человечество в целом, преодолевая все мыслительные и физические границы. «Не культура одной расы, а культура всего человечества, нынешнего и будущего, будет обречена на гибель, если иссякнет вера в возрождение наших творческих сил. Но она не должна иссякнуть. Если этическое является конституирующим элементом культуры, то зкат превратится в восход, как только вновь пробудится этическая энергия в нашем образе мыслей и в идеях, с помощью которых мы пытаемся воздействовать на действительность. Такой экспери-

¹⁰ Швейцер А. Культура и этика. С. 92.

¹¹ Там же. С. 272.

мент в мировом масштабе заслуживает того, чтобы его предпринять»¹².

И, наконец, как истинный космист, он, по существу, утверждал наличие непосредственной связи между жизнью человечества и жизнью универсума, качеством человечества и качеством и здоровьем космоса. Необходимо логически убедительно включить цели человечества в общие цели универсума – эта его собственная формулировка свидетельствует о понимании человечества как активной части мирового целого, той непосредственной части, которая способна вольно или невольно изменять качество целого. Вот почему осознание непосредственной зависимости целого от его части становится и потребностью, и необходимостью.

Теория благоговения перед жизнью представляется верной, и верной абсолютно, безо всяких мальтузианско-дарвиновских опасений. Все обычные возражения в ответ на естественное стремление поддерживать и уважать все живое, созданное природой, сводятся к двум аргументам: угроза перенаселения (в том числе чрезмерное размножение популяций животных) и угроза животной агрессии. Биологи любят сюжет о базовой агрессии животных и человека и не устают напоминать нам об этом родимом пятне, якобы наложенном на нас природой. И это одна из причин того, что этика Швейцера как философский аргумент не получила распространения. Произошло столкновение этической мысли и нравственного чувства с практикой, с реальностью, в которой уничтожают животных-вредителей и животных-агрессоров, а также считают определенные виды животных источником питания. Итак, нравственное чувство выступает против освященных временем привычек и обычаев, а заодно и против биологической и медицинской науки. Ситуация повторяется. По Швейцеру, чтобы иметь мир, не нужно готовиться к войне, а чтобы иметь гармонию живого на планете, не нужно истреблять «лишнее» живое.

Конечно, философия Швейцера не является столь революционной, чтобы отменить все созданное до него. Может быть, и теория благоговения перед жизнью, близкая к буддистскому состраданию, составит лишь часть той мудрости, которую необходимо обрести человечеству, чтобы трансформировать себя и тем самым транс-

формировать мир вокруг. Может быть, он, не будучи крупным философом, в чем-то повторил мудрые мысли прошлого. Его сила в другом. Как писатель Альберт Швейцер очень прост. Он доступен каждому, кто возьмет в руки книги «Культура и этика» и «Жизнь и мысли». Неблестящие переводы с немецкого тем не менее донесут до читателя главное. Великая ревизия убеждений и идеалов, по его выражению, неизбежна. И этика благоговения перед жизнью – это один из действенных практических инструментов, который может изменить человека, а вслед за этим и свойства животного и растительного царств природы.

Мировоззрение Швейцера в середине прошлого века вызывало живейший интерес в мировых культурных центрах. Он бывал с лекциями в Швеции, Швейцарии, Англии, Голландии, Шотландии, США. На денежную часть Нобелевской премии размером в 220 тысяч марок он построил в Ламбарене рядом со своей больницей деревню для прокаженных и их семей. Именно в этот день он позволил себе роскошь – на деревянный топчан, на котором сидел за письменным столом, положил мягкую подушку. Известность, почести и мировое признание не влияли на ход его мысли, на образ жизни. Свое 90-летие он встретил там же, в тропическом лесу, за работой. Правда, уже не лечил сам, но присматривал за ходом работ в больнице. Альберт Швейцер похоронен рядом с женой под финиковой пальмой в нескольких шагах от своего африканского дома.

Это был сильный человек, и все-таки – только человек, которому приходилось нелегко. И потому рассказ о нем мы закончим его признанием:

«В моей собственной жизни мне порой доставалось столько забот, нужды и горя, что, не будь у меня крепких нервов, я бы рухнул под их грузом. Меня гнетет бремя усталости и ответственности, которое лежит на моих плечах вот уже много лет. Сам я немного получаю от жизни, порой у меня даже не остается времени, которое я желал бы уделить жене и ребенку. Счастлива моя доля тем, что мне довелось служить милосердию, что деятельность моя имеет успех, что я видел от людей много любви и добра, что у меня есть верные помощники, которые сделали мое дело своим делом, что я обладаю здоровьем, которое позволяет мне напряженно работать»¹³.

¹² Швейцер А. Культура и этика. С. 69.

¹³ Фрайер П.Г. Альберт Швейцер: Картина жизни. С. 148.

